

Александр Тервый

ВЗГЛЯД

1 Номерной

Моя правда. — 1995. — 14 апр. — с. 9

А.Б. о любимом стиле, о претящих вещах, об удочеренном чудище с ангельским личиком, о "новых" нравах, о будущности на сцене и вообще

АЛЕКСАНДР БАРЫКИН: РЭГГЕЙ — ЭТО КОГДА МОРЕ ЛЬЕТСЯ ИЗ УШЕЙ

— ...Я все играю, года не давят, а столько их прошло, пролетело, просвистело! Если начну тебе рассказывать, сразу подумаешь, что я древняя развалина... У меня было много попыток так определить любимый стиль, рэггей, так, чтобы было кратко и выразительно в смысле красоты. Кратко получилось, а красиво — не знаю, скорее непосвященному без комментария покажется, что несуразно. Я придумал такое: "рэггей — это когда море льется из ушей". Я хотел выразить связь этого стиля с морем, с солнцем, с пальмами, с духом терпкого кофе на набережной... И это первые слова, пришедшие в голову, а они всегда дороже, я не стану ничего менять. Важны ощущения, я живу эмоциями, и моя музыка — это то, как я пропускаю через себя эту среду, людей, погоду, все. Это очень жизнеутверждающая музыка, потому что при самой грустной фабуле в ней полно света — зажмуриться можно, так бьет в глаза.

Я играл эту музыку десять лет назад, и больше, но вот те, для кого я специально играл ее десять лет назад (почему об этом и говорю), стали сейчас в большинстве своем людьми состоятельными, богатыми, могущими себе кое-что позволить, вот они и раскупили мой альбом "Русский пляж": им близка ностальгия, этот альбом, который я выпустил после небольшого перерыва, случившегося по медицинской причине, им служит напоминанием о том золотом времени.

Что касается меня, я Рокфеллером не стал и не стану. Просто состоятельным — тоже. Наверное, я потянул средний уровень, крепенький, но "знающий свою планку". Я могу на этот счет сказать так: не стал — и Бог с этим. Я верю: если случилось или, напротив, не случилось, значит, так суждено. Шикарный образ жизни — это недостижимое, но мы нормально живем, нормально: в Люберцах (это малая родина, без которой мы никто) у нас квартира, у нас две машины, на одной жена ездит, на другой мы ночью по клубам работаем, и я считаю, что положение крепкое. Достаточное. Единственное, о чем я жалею, что не удалась мне мечта моя — создать свою студию, вот об этом я жалею очень-преочень... Зато я строю дом, вернее (негоже быть эгоистом), мы строим: о, в него все уходит как раз. Очень много забирает.

У меня есть претензия — пройти свой путь на Земле, как человек, безмерно почитающий Бога, а Бог не одобряет этой убогой гонки за сокровищами, ты же

знаешь. Я другим живу, хотя очень люблю вкусно поесть (это образ, ты понял, да?)

Не знаю, признак ли это надвигающегося, так сказать, заката, но все чаще я в сравнительном смысле думаю о времени, когда мы начинали делать что-то свое на сцене, и о времени настоящем, когда вроде твори все, что заблагорассудится, тормозов нет, есть полный простор, полигон такой: выки-

Очень много фирм, которые делают все, чтобы ты нормально реализовал свои идеи: оплачивают студию, заботятся обо всем — об этом раньше мечтать не приходилось. Эти фирмы поняли, во что они вкладывают деньги — вот что важно.

Я избегаю тусовок. Если нет жесткой рабочей необходимости, я избегаю их, потому что обожаю уединенный образ

дывая какие хошь коленца... но что-то плохо получается, да? Какая природа у этого положения вещей, я не знаю, но я помню, как мы сдавали программы, какой кровью. Как меня закрывали, и до Горбачева, по большому счету, я был человеком запрещенным (хотя как-то с претензией звучит, да?), и я проходил через ненужность никому (так я это определил, этот вакуум). Помню, как сформировали мою группу и мне некуда было податься. Я пошел работать в ЛЕНКОМ, потом вернулся на вольные хлеба, и при Горбачеве у меня случился даже небольшой взлет, но был настолько поздним, что к тому времени было уже не очень важно, есть успех или нет его: с Советской властью я потерял здоровье, серьезно заболел, мне сделали операцию, и я испарился, меня не стало... Когда я вспоминаю это, я думаю несколько парадоксально: может, это было хорошо в том смысле, что закалка была неимоверная, выработавшая у меня иммунитет против всякого дерьма? У молодых этого иммунитета нет, вот о чем я.

Я могу подтвердить, что были обвинения именно такого свойства: вы распространяете здесь, на священной родине Ленина, тлетворный дух Запада: вот эту формулировку я запомнил на всю жизнь. А мы просто играли рок-н-ролл, музыку такую же яркую, как наше тогдашнее сердцебиение.

Вот следствием всего этого и явилась операция на щитовидной железе. Это только формально она связана с тем, что я "попал" в Чернобыле, куда я поехал три месяца спустя после аварии, полагая, что людям надо как-то, пусть ненадолго, развеяться. Поехал — и все случилось... Но ничего: пою.

Я говорил уже: единственная жалость, что студии своей нет. А бизнесом я заниматься не могу: я никудышный организатор. Я такая творческая натура, которая невозможна из-за того, что неровно себя ведет: синусоида бешеная. Срыв, взлет, срыв, взлет — и так далее. Жилки деловой во мне нет. Вот у Димы Федякина, которого я пригласил быть директором моим, она есть: он хваткий, у него удивительный горизонт, он легок на подъем и коммуникабелен (ну, ты не особо улыбайся: я знаю, что вы закадычную дружбу водите). Он — организатор, и с его приходом стало легче, конечно. А я что? Я пою.

Сегодня я переживаю ренессанс. Я это связываю с сугубо sentimentalными причинами: людям оказалось то, что я делаю, очень нужно, потому что это красиво, нежно, задорно.

Сейчас атмосфера такая, что любая твоя попытка сделать что-то доброе — она на вес золота. И мой предыдущий альбом, и недавно вышедший при помощи альянса "Союза" и "Инди Рекордз" альбом "Никогда не поздно" — это и есть такие попытки. В них сплошная лирика, больше ничего, лирика — это то, что неистребимо. А если к тому же это подано с помощью регги, это очень красиво.

жизни. При этом ничего против собственно тусовок не имею, они — очень симпатичная форма общения "на любителя", и дай им Бог здоровья. Я по-другому люблю.

Мой сын, Георгий, — вот он уже другой. Но он очень чуткий ко всему. У него есть изъяс, за который я его шпыняю, — это ленца, не в катастрофической степени, но все же, — но у него есть тьма достоинств, он добр и очень талантлив. Сейчас я могу определенно сказать, что его новый альбом — это очень мощная работа. Я, конечно, пристрастен, но поверь мне, Отар, я в этом толк знаю... Я ему всегда говорю, иду на то, что откровенно его раздражаю: "Не будешь работать — ничего не будет". Разве не так?

Я никогда не отрицал, что шел на компромиссы. Сочинял какие-то проходные вещи, которые оправданы только тем, что я трезво к ним отношусь, но мне надо было кормить семью, Отар! Это мужское — кормить семью. Поэтому я на два делю все эти упреки: "Вот, старик, ты раньше был рокером — что с тобой стало?" Жизнь полосатая, неужели не в курсе? Главное — не будь свиньей.

Я пишу и для других. Для Валерии. Считаю ее одареннейшей певицей, но ее репертуарная политика негодная. Она великая певица, очень тонкая, но эта искусственная тяга к элитности... мне она кажется неоправданной. А музыкант она изумительный. Потом — Сенчукова Наташа, меня ее имидж устраивает — веселенький, задорный, миролюбивый. И аранжировки — изумительные, даже я своим же вещам такие бы не потянул. А сестер Зайцевых еще со времен оркестра Кролла знаю, люблю их, они очень хорошие девочки.

У меня все складывается по синусоиде, но при всем при этом я знаю: главное — стремиться. Это пропись, но она дорога тогда, когда ты "въедешь" в нее сам, после собственных сладких мук. Я — стремлюсь.

Исповедь принимал Отар КУШАНАШВИЛИ.

От исповедника. Сашу Барыкина не нужно лукаво подбивать на то, чтобы он ударился в сантименты. Он архипотрясающий для общения, он изначально расположен к незатейливому трепу, и ты должен быть законченным урюком, чтобы не вызвать у С.Б. симпатию! Мне очень понравилась, с каким олимпийским спокойствием он рассказывал о не очень приятном. В этом тоже урок — достоинством признавать, что не все гладко. Барыкин чужд помпы, он из той породы, что старший и средний Пресняковы: общий дух бьет в ноздри за версту. Настоящих музыкантов всегда объединяет нечто неуловимое, но чуждое.